

УДК 811.512.141; ГРНТИ 16.01.11
<https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.591>Ф.Г. ХИСАМИТДИНОВА¹, Г.К. ЖЫЛКЫБАЙ²✉*¹доктор филологических наук, профессорОрдена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
(РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа), e-mail: hisamitdinova@list.ru²кандидат филологических наук, доцентМеждународный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави
(Казахстан, г. Туркестан), e-mail: zerek24@mail.ru**НАРОДНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ
ГРУППЫ «МАСТЕРА-ПРОФЕССИОНАЛЫ» В КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКАХ УРАЛО-
ПОВОЛЖЬЯ (на материале башкирского языка)**

Аннотация. В статье описываются термины мифологизированных персонажей группы «мастера-профессионалы» в кыпчакских языках Урало-Поволжья (на материале башкирского языка). Опираясь на словари, фольклорные и художественные произведения, устанавливаются основные, широкораспространенные и локальные термины. В народной культуре тюркских народов зафиксирована группа «знающих людей», которая представляет собой специалистов в определенной области знаний. Таких специалистов-мастеров башкиры называют «ошта», «ошталар» – ‘умелец, умельцы, мастера’; «һөнәрсе», «һөнәрселәр», «һөнәрмән», «һөнәрмәндәр» – ‘специалист, специалисты, ремесленник, ремесленники, мастер, мастера’; «кәсепсе, кәсепселәр» – ‘человек, занимающийся каким-то ремеслом, делом, люди, занимающиеся каким-то промыслом, ремеслом’. Из перечисленных терминов с более широким значением, характеризующим любого мастера, специалиста, является слово ошта, который может употребляться не только в качестве термина, но и определением других названий. Ср.: «ошта» ‘мастер, умелец’, «ошта һөнәрсе» ‘мастер-ремесленник’, «ошта кәсепсе» ‘умелый ремесленник, промысловик, специалист, занимающийся каким-то промыслом’. В статье рассматривается народная терминология мифологических персонажей группы “мастера-профессионалы” на Урало-Поволжском кыпчакском языке на материале башкирского языка. В процессе рассмотрения терминологии, связанной с мифологическими персонажами, делается вывод. Делается вывод о том, что данные слова и их происхождение зафиксированы в большинстве современных тюркских языков, что данный термин является коренным в тюркском, в том числе и башкирском языке.

Ключевые слова: Башкирская мифология, кузнецы, ремесленники, мифологические персоны, терминология.

***Цитируйте нас правильно:**

Хисамитдинова Ф.Г., Жылкыбай Г.К. Народная терминология мифологизированных персонажей группы «мастера-профессионалы» в кыпчакских языках урало-поволжья (на материале башкирского языка) // *Ясауи университетінің хабаршысы*. – 2021. – №2 (120). – Б. 85–98. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.591>

*** Cite us correctly:**

Hisamitdinova F.G., Jylkybai G.K. Narodnaia terminologia mifologizirovannyh personajei gruppy «mastery-professionaly» v kypchakskih iazykah uralo-povoljia (na materiale bashkirskogo iazyka) [Folk Terminology of Mythologized Characters of the Group “masters-professionals” in the Kipchak Languages of the Ural-Volga Region (Based on the Material of the Bashkir Language)] // *Iasaui universitetinin habarshysy*. – 2021. – №2 (120). – B. 85–98. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.591>

Ф.Г. Хисамитдинова¹, Г.Қ. Жылқыбай²

¹филология ғылымдарының докторы, профессор, Құрмет Белгісі орденді РҒА Уфа федералды зерттеу орталығының Тарих, тіл және әдебиет институты

(РФ, Башқұртстан Республикасы, Уфа қ.), e-mail: hisamitdinova@list.ru

²филология ғылымдарының кандидаты, доцент

Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
(Қазақстан, Түркістан қ.), e-mail: zerek24@mail.ru

Орал-Поволжье қыпшақ тілдеріндегі «шебер-кәсіпқойлар» тобының мифологиялық кейіпкерлерінің халық терминологиясы (башқұрт тілі материалында)

Аңдатпа. Мақалада Орал-Поволжье қыпшақ тілдеріндегі «кәсіби шеберлер» тобының мифологиялық кейіпкерлерінің терминдері сипатталған (башқұрт тіліндегі материал негізінде). Сөздіктерге, фольклорлық және көркем шығармаларға сүйене отырып, негізгі, кең таралған және жергілікті терминдер белгіленеді. Түркі халықтарының халық мәдениетінде белгілі бір білім саласындағы мамандар болып табылатын «білгір адамдар» тобы тіркелген. Мұндай маман-шеберлерді башқұрттар «оқта», «оқталар» – 'шебер, шеберлер, шеберлер'; «хөнәрсе», «хөнәрселәр», «хөнәрмән», «хөнәрмәндәр» – 'маман, мамандар, қолөнерші, қолөнершілер, шебер, шеберлер'; «кәсепсе», «кәсепселәр» – 'қандай да бір кәсіппен, іспен айналысатын адам, қандай да бір кәсіппен, қолөнермен айналысатын адамдар' деп атайды. Кез келген шеберді, маманды сипаттайтын кең мағынасы бар аталған терминдердің ішінде оқта сөзі бар, оны тек термин ретінде ғана емес, сонымен қатар басқа атаулардың анықтамасымен де қолдануға болады. Ср.: «оқта» – шебер, шебер', «оқта хөнәрсе» – 'шебер-қолөнерші', «оқта кәсепсе» – 'шебер қолөнерші, кәсіпші, қандай да бір кәсіппен айналысатын маман'. Мақалада Орал-Поволжье қыпшақ тілдеріндегі «шебер-кәсіпқойлар» тобының мифологиялық персонаждарының халық терминологиясы башқұрт тілі материалында қарастырылады. Мифологиялық кейіпкерлерімен байланысты терминологияны қарастыру барысында аталған сөздер мен олардың пайда болуы қазіргі түркі тілдерінің көпшілігінде тіркелгені, аталған терминнің түркі, оның ішінде башқұрт тілінде де түпкіліктігі туралы қорытынды жасалады.

Кілт сөздер: Башқұрт мифологиясы, ұсталар, қолөнершілер, мифологиялық персонаждар, терминология.

F.G. Hisamitdinova¹, G.K. Zhylykybay²

¹Doctor of Philological Sciences, Professor, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences

(Russia, Bashkortistan Republic, Ufa), e-mail: hisamitdinova@list.ru

²Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University

(Kazakhstan, Turkestan), e-mail: zerek24@mail.ru

Folk Terminology of Mythologized Characters of the Group “Masters-professionals” in the Kipchak Languages of the Ural-Volga Region (based on the material of the Bashkir language)

Abstract. The article describes the terms of the mythologized characters of the group “masters-professionals” in the Kipchak languages of the Ural-Volga region (based on the material of the Bashkir language). Based on dictionaries, folklore and artistic works, the main, widespread and local terms are established. In the folk culture of the Turkic peoples, a group of “knowledgeable people” is recorded, which represents specialists in a certain field of knowledge. Such specialists-craftsmen Bashkirs call “оқта”, “оқталар” – craftsman, craftsmen, masters”; “khonarse”, “khonarselar”, “khonarman”, “khonarmendar” – ‘specialist, specialists, artisan, artisans, master,

masters'; "kasepse", "kasepselar" – 'a person engaged in some kind of craft, business, people engaged in some kind of craft, craft'. Of the listed terms with a broader meaning that characterizes any master, specialist, is the word *otata*, which can be used not only as a term, but also as a definition of other names. Cf.: "otata" – 'master, craftsman', "otata honarse" – 'master craftsman', "otata kasepse" – 'skilled craftsman, craftsman, specialist engaged in some kind of craft'. The article deals with the folk terminology of the mythological characters of the group "masters-professionals" in the Ural-Volga Kipchak language based on the material of the Bashkir language. In the process of considering the terminology associated with mythological characters, a conclusion is made. It is concluded that these words and their origin are registered in most modern Turkic languages, and that this term is valid in Turkic, including Bashkir.

Keywords: Bashkir mythology, blacksmiths, artisans, mythological characters, terminology.

В народной культуре тюркских народов зафиксирована группа «знающих людей», которая представляет собой специалистов в определенной области знаний. Таких специалистов-мастеров башкиры называют *оста*, *осталар* 'умелец, умельцы, мастера'; *һөнәрсе*, *һөнәрселәр*, *һөнәрмән*, *һөнәрмәндәр* 'специалист, специалисты, ремесленник, ремесленники, мастер, мастера'; *кәсепсе*, *кәсепселәр* 'человек, занимающийся каким-то ремеслом, делом, люди, занимающиеся каким-то промыслом, ремеслом'. Из перечисленных терминов с более широким значением, характеризующим любого мастера, специалиста, является слово *оста*, который может употребляться не только в качестве термина, но и определением других названий. Ср.: *оста* 'мастер, умелец', *оста һөнәрсе* 'мастер-ремесленник', *оста кәсепсе* 'умелый ремесленник, промысловик, специалист, занимающийся каким-то промыслом'.

К данной группе «знающих людей» башкиры относят таких специалистов, как *кендек инәһе* 'повитуха', *баба / сөннәтсе* 'специалист по обрезанию мальчиков', *тимерсе* 'кузнец', *һунарсы* 'охотник', *көтөүсе* 'пастух', *солуксо* 'бортник', *умартасы / кортсо* 'пчеловод', *йырсы / йыраусы / сәсэн* 'певец, импровизатор, сәсэн', *курайсы* 'кураист', *думбырасы* 'домбрист' и др. Данную группу специалистов, мастеров башкиры, как и других «знающих людей», считали отмеченными (*тамғаланған*), избранными (*һайланған*) и потому их наделяли сверхъестественными способностями. Такие мастера '*осталар*' у башкир вызывали восхищение. В то же время народ их в определенной степени побаивался, сторонился. В качестве примера можно привести материалы о знатных, опытных повитухах, которых башкиры побаивались, считая их *кандыбеләк*, досл. кровавая рука. По верованиям башкир, повитуха после принятия 40 ребенка превращалась в *мәскәй* или *убыр* 'вампира' или мифологизированного персонажа *кандыбеләк* 'кровавая рука' и представляла опасность как для роженицы, так и новорожденного. Поэтому повитуха после принятия 39 новорожденного обычно прекращала свою родовспомогательную деятельность, иначе она могла пострадать сама или нанести вред новорожденному или роженице.

По представлениям башкир, мастера-профессионалы свои особые знания, умения, способности, талант могли получить только при содействии высших божественных или низших нечистых сил. В частности, нами почти во всех башкирских населенных пунктах записаны мифологические рассказы о мастерицах-рукодельницах, которые за ночь могли соткать красивые и большие паласы или связать невиданной красоты пуховые шали. Почти все информаторы такую работоспособность и мастерство обычно объясняли связью женщины с нечистой силой *бисура* 'кикимора' или *ен / жен* 'бес'. По представлениям башкир, *бисура* или *ен / жен* обычно приходят или вселяются в одиноких женщин, сожительствуют с ними, учат их тому или иному ремеслу, помогают выполнить ту или иную работу. Сюда же следует добавить материалы о нечистой силе, способной обучать и помогать определенной категории людей, распространенной до сих пор в сельских

населенных пунктах башкир. Об этом свидетельствуют мифологические рассказы о мусульманских духах, джиннах (мосолман пәрейзәре, мосолман бәреләре, мосолман ендәре), которые иногда уносят некоторых людей и обучают их секретам знахарства и прорицательства, искусной игре на музыкальных инструментах и пению, ткачеству и др. ремеслам [1]. Интересно отметить, что до сих пор гармонисты, кураисты рассказывают о том, что игре на том или ином музыкальном инструменте первоначально они учились в бане. На вопрос: «Зачем?» – они говорили, что так быстрее можно научиться играть. В мифологии баня ‘мунса’ является местом обитания нечистой силы, поэтому вера в то, что в бане легче научиться игре на музыкальном инструменте, безусловно, связана с верой в участия и обучении нечистой силы. Сюда же можно добавить распространенные среди башкир выражения «Әллә бисураң бармы?» – Что, у тебя есть бисура ‘кикимора’?; Һиңә бисура эйәләгәнме? – Что, в тебя вселилась кикимора?, с которыми обычно с восхищением или завистью обращаются к мастерицам-рукодельницам, ювелирам, изготовителям конных сбруй, ульев для пчел и др. мастерам-профессионалам своего дела, создавшим за короткое время красивое и добротное изделие.

О связи мастеров-профессионалов с нечистой силой свидетельствуют и некоторые другие материалы башкирского языка. Ср.: хәтәр оҫта ‘поразительный, потрясающий мастер’, досл. опасный мастер; хәтәр оҫта курайсы ‘потрясающе искусный кураист’, досл. опасный мастер-кураист; ен кеүек шәп бейеүсе ‘потрясающий танцор’, досл. танцор, подобный джину; үлтереп йырлай был йырсы ‘потрясающе поет этот певец’, досл. этот певец убивает, когда поет; ис киткес оҫта ‘поразительный, удивительный мастер’, досл. мастер до потери сознания; был курайсы арбай, донъянды онотаһың ‘этот кураист завораживает, заколдовывает, обо всем забываешь’ и др. Вышеприведенный языковой материал свидетельствует о мифологизации данной группы знающих людей, т.е. мастеров-профессионалов. Безусловно, мифологизации подвергалась не каждая группа специалистов. На наш взгляд, мифологизировались те персонажи, которые играли важную роль в жизни башкирского общества.

У башкир, основным занятием которых было полукочевое скотоводство, в горно-лесных регионах – охота, бортничество, пчеловодство и лесные промыслы, мифологизации в первую очередь, по-видимому, подвергались знатные (атаклы, арзаклы) охотники (һунарсы), пастухи (көтөүсе), бортники (солуксо), пчеловоды (умартасы). В более ранние эпохи, судя по фольклору и лингвистическим данным, сверхъестественными способностями башкиры наделяли воинов-батыров, изготовителей оружия – кузнецов ‘тимерсе’, сопровождавших воинов – прорицателей ‘һынсы, юраусы’; вдохновителей участников походов – певцов, сказителей ‘сәсэн, йырсы, йыраусы’; музыкантов – курайсы ‘кураист’, думбырасы ‘домбрист’ и др.

Не меньшей мифологизации подвергались и такие профессионалы башкирского общества, как повитуха ‘кендек инәһе’, воспитатель, ответственный за инициацию юношей – кан баба, позднее – баба или сөннәтсе ‘мужчины, занимающиеся обрезанием’ и др. Изложенные факты свидетельствуют о том, что специфика хозяйственной деятельности, бесконечная борьба с чужеземцами за свою землю – Урал, тесная связь народа с природой, обусловили формирование у башкир особой группы профессионалов-мастеров – оҫталар, которые способствовали выживанию народа. Они, как мастера своего дела, из поколения в поколение передавали опыт, знания, духовность башкирского народа, поэтому, несмотря на смену хозяйства, занятий, формаций, в народной памяти сохранились легенды и предания, сказки и другие произведения фольклора о знаменитых мастерах ‘оҫталар’.

Рассмотрим более подробно наиболее мифологизированных персонажей группы оҫталар ‘мастера-профессионалы’ и связанные с ними термины.

Из данной группы «знающих людей» наиболее мифологизированным является персонаж повитуха, женщина, занимающаяся родовспомогательной практикой.

В башкирском языке и его диалектах зафиксировано множество терминов, обозначающих повитуху. Ср.: кендек инәһе (лит.), кендек әбейе (миас., тан.), кендеккарсыгк (дем.), кендекнәнәй (дем.), кендегинәһе (арг., кыз., сред.), кендегәней (среднеур.), кендексе (ик-сакм.), кендекәй (сев.-зап., сал., среднеур.), кендекәй карсыгк (карид.), абызәней (гайн.), белемсе әбей (миас.) и др. Все термины, кроме двух последних, связаны с лексемой кендек 'пуп, пуповина, сердцевина' и имеют параллели в большинстве тюркских языков и их памятников письменности [2, 279–280]. Что же касается терминов абызәней (от абыз 'знающая, коран' + әней 'мать') и белемсе әбей (от белемсе 'знающая' + әбей 'старуха, бабушка'), то они связаны с лексемами абыз и белемсе, имеющих отношение к «знающим людям».

Как уже говорилось выше, повитуха у башкир является наиболее мифологизированным персонажем. Это, безусловно, связано с ее ролью в родовспомогательной деятельности. Повитуха помогала появлению ребенка на свет. Она же, по верованиям башкир, «наделяла» ребенка ртом, душой, долей (судьбой) и характером. Об этом свидетельствуют некоторые обрядовые действия. В частности, если сразу после появления на свет новорожденный не показывает признаков жизни, повитуха открывает окна, двери, трубы печи и начинает громко вызывать душу ребенка словами: «Йән кермәгән, йәне кайза йөрөй? Йәне кил!» – Душа не вошла, где душа, где бродит душа? Душа приди! При этом повитуха осторожно массирует пупок, тело ребенка. Когда появляются признаки жизни, повитуха радостно повторяет: «Йәне килде, йән инде, Аллаға шөкөр!» – Душа пришла, душа вошла, слава богу. Таким образом повитуха, по представлениям башкир, наделяла душу новорожденного. Аналогичным образом повитуха наделяла и «ртом» ребенка. Только что родившегося малыша повитуха подкладывала к груди роженицы. Если новорожденный долго не брал грудь матери, повитуха, говоря, что ребенок «не обретает рот» (ауызланмай), открывала окна, вьюшку печи, затем наносила на губы ребенка мед и масло. Смазывание губ малыша маслом и медом, сопровождаемое особым заговором, называлось «наделение ребенка ртом» (ауызландырыу).

Повитуха, по представлениям башкир, могла наделить и характером, судьбой, т.е. долей. Так, например, повитуха во время первой бани, обрызгивая водой камни, обязательно называла имена ребенка, матери и отсылала каждому отдельно их долю: «Бисмиллахир-рахманир-рахим! Доля ... (того-то)! Его здоровье, радость, счастье!» Затем, слегка обдавая парным веником ребенка, она приговаривала:

– Бәхетле, тәүфиклы бул,	– Счастлив будь, благочестив,
Татлы телле бул!	Сладкогласен и красив,
Мунса ташы,	Камни бани,
Бүрәнә башы,	Бревна бани,
Таштай нык бул,	Стань крепким как камень,
Бүрәнәләй бүкән бул!	Крепче как бревно!
Аталы-инәле,	С матерью рядом расти и с отцом,
Алтын канатлы,	Расти подрастай с золоченым крылом.
Һүзәрәң өстөн,	Пусть слово твое будет мудрым всегда,
Йөзәрәң күркәм,	Пусть лик твой прекрасный не старят года,
Кулдарың эшсән булһын!	Пусть руки твои не страшатся труда.

[1, 327].

О мифологизации повитухи свидетельствуют и обычаи почтительного отношения к повитухе у башкир. В частности считалось богоугодным делом ежегодное одаривание повитухи платьем или платком на день рождения человека. Повитухи обычно приглашались на все религиозные праздники башкир. О почтительном отношении башкир к повитухам содержится большой материал не только в фольклоре, но и в современной художественной литературе. В качестве примера можно привести повесть М. Карима «Долгое-долгое

детство». В этом произведении нашли отражение взгляды башкир, связанные со страхом получения отказа с благословения (фатиха) за какой-то грех со стороны повитухи. Этот факт свидетельствует о том, что повитуха в представлениях башкир выступает в роли богини-покровительницы, которая помогает человеку не только появиться на свет, но и программирует ему судьбу. Именно поэтому отказ в благословении повитухи Олоинэй 'старшей матери' герой повести М. Карима принимает как смертный приговор.

О мифологизации персонажа кендек инәһе 'повитухи', как уже говорилось выше, свидетельствуют поверья, связанные с принятием 40 новорожденного. Действительно, существует множество мифологических рассказов, в которых повитухи, нарушившие табу, превращались ночью в вампиров и пили человеческую кровь.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что повитухи 'кендек инәһе' у башкир были самыми мифологизированными персонажами. По представлениям башкир, повитухи в основном выполняли не только родовспомогательную, но и обережную функции. В то же время часть повитух в силу нарушения различных табу, связанных принятием 40 новорожденного, а также родов у нечистых сил (ен) могли превратиться в опасных сил нижнего мира, которые могли нанести вред как роженице, так и новорожденному.

Мифологизированным персонажем является и такой мастер-специалист, как баба или сөннәтсе 'мужчина, который занимался обрезанием мальчиков'. Кроме терминов баба и сөннәтсе, для обозначения специалистов по обрезанию мальчиков в башкирском языке и его диалектах зафиксированы их образования бабасы (сред.), баба карт (среднеур.), бабашы (тан.), сөннәт бабай (среднеур.) и др.

Кроме терминов-дериватов, в башкирском языке с лексемами баба и сөннәт зафиксированы слова бабалатыу (сред.) 'совершить обрезание', бабалау (миас.) 'совершить обрезание', сөннәтләү, сөннәтләтеү 'провести обрезание', а также композиты бабаға / сөннәткә биреү, бабаға / сөннәткә ултыртыу 'совершить обрезание'; сөннәт доғаһы 'молитва обрезания', сөннәт икмәге 'ритуальный хлеб и другая еда, приносимые по случаю обрезания'; сөннәт туйы 'пиршество по случаю обрезания', сөннәт эпсене 'заговор обрезания'; сөннәтле тыуыу 'рождение с обрезанием' и др. Вышеприведенный лексический материал характеризует обычай обрезания мальчиков. В частности, композиты сөннәт доғаһы, сөннәт эпсене свидетельствуют о том, что при проведении обрезания произносились особые заговоры, молитвы. Ср.: Кафыр инең – мосолман булдың, айғыр инең – ат булдың. Аллаһу әкбәр! – Был неверным, стал мусульманином. Был жеребцом – стал конем. Аллаһу акбар!

Илама, балам, илама,
Илама, улым, илама,
Мин һиңә яңы ыштан тегәм,
Уны кызылға буйыйым.
Уға кыззар күзе төшһөн,
Йөрәктәре янып бөтһөн.

Не плачь, деточка, не плачь,
Не плачь, сынок, не плачь,
Я шью тебе новые штаны,
В красный цвет их крашу.
Пусть девушки на них засматриваются,
И сердца у них горят [БИТК].

Приведенные строки молитвы и заговора имеют варианты почти на всех территориях проживания башкир. В них видны реликты как древнего заговора, так и более позднего мусульманского периода, когда народные заговоры сопровождалась мусульманскими Аллаһу әкбәр и Бисмиллаһи рахмани рахим. Композиты сөннәт туйы, сөннәт икмәге свидетельствуют о том, что обряд обрезания башкиры, как и другие мусульмане, сопровождали инициационными праздниками, на которых, кроме угощения, ритуальных гостинцев, проводились различные соревнования – байги, куреш, стрельба из лука и др. Все это свидетельствует о том, что обрезание воспринималось народом как инициация, т.е. переход на иной статус развития мужчины. Об этом же свидетельствует и одно из названий мужчины, занимающегося обрезанием – баба. В башкирском языке слово баба употребляется и в значении почтенный, уважаемый старец, предок. По представлениям башкир, баба стоит

между тем и этим светом, осуществляет связь между предками и потомками, обеспечивает благополучие рода, близок к миру духов. Ср.: ата-баба ‘предки’, бабалар рухы ‘духи предков’, бабалар заманы ‘времена предков’ и др.

О мифологизированности баба / суннатсе свидетельствуют обычаи и обряды башкир. В частности, у башкир существует табу, в соответствии с которым после 99 (у некоторых групп башкир 100) обрезания баба должен отказаться от этой деятельности, иначе может умереть сам баба или его последний пациент. Ср.: Йөзөнсө бала үлергә тейеш, тегеләй баба үзе үлә [СБФ]. – Сотый ребенок должен умереть, иначе умрет сам старик-баба. У башкир-гайнинцев зафиксирован несколько другой рассказ. Ср.: Сөннәткә 101-се балаға кыл бәйләгәннәр. Юғисә, бабаның кулы (оҫталығы) китә, – тиләр. Йөз дә береншесен үтереп куйырға кирәк, – ти. Осталығы китә, имеш, ти [ГБФ]. – Сто первому обрезаемому привязывали волос. Иначе уходит удачливость, мастерство, говорят. Поэтому, чтобы не ушло мастерство, баба ‘специалисту по обрезанию’ необходимо было убить 101 пациента. Зная об этом обычае, родители ребенка очень внимательно следили за процессом обрезания. Иногда удавалось предупредить и спасти 100 или 101 мальчика. Следует отметить, что обычай обрезания сопровождался жертвоприношением, большим пиршеством, раздачей, хаир ‘подаяний’. На этом пиршестве должна была присутствовать только мужская часть рода или деревни, что еще раз доказывает связь обрезания с инициацией. Следует добавить и то, что обрезанный кусок кожи обычно закапывали на фундамент дома или опускали в погреб возле печи [3, 86]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что все, что было связано с обрезанием, специалистами по обрезанию мифологизировалось у башкир.

К группе мифологизированных мастеров-профессионалов в башкирской народной культуре относятся и охотники ‘һунарсы, һунарсылар’, которые связаны с наиболее древними занятиями не только башкир, но и других народов. В основе термина һунарсы ‘охотник’ лежит башкирское слово һунар, которое имеет различные варианты в каз., кирг., тат., чув., як. языках и употребляется в значениях пороша, тонкий слой снега, свежий снег, первый осенний снег, медленно падающий снег, а также преследование зверя по первому осеннему снегу, охота по пороше, звериный промысел и др. [4, 307-308]. Кроме указанных тюркских языков, данная лексема в различных фонетических вариантах и некоторыми семантическими отклонениями зафиксирована в удм. (сунэр), мар. (сонар), монг. (сонин), калм. (сон, һони(н)) языках [4, 307-308; 5, 182]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что лексема һунар / сонар в основном фиксируется в кыпчакских тюркских языках, поэтому вслед за Р.Г. Ахметьяновым можем предположить ее общекыпчакское происхождение. Что же касается присутствия указанной лексемы в ряде финноугорских языков, то это можно объяснить этнолингвистическим влиянием урало-поволжских тюрков на финноугорское население региона. Монгольские варианты лексемы сонар / һунар могут иметь двойное происхождение. Если в монгольском лексема сонан может иметь общеалтайское происхождение, то в калмыцком, возможно, она появилась в результате заимствования из контактирующих кыпчакских языков.

Кроме термина һунарсы, в башкирском языке для обозначения охотников зафиксированы термины аусы, аңсы, кошсо, айыусы и др. Следует отметить, что указанные термины имеют общетюркское или межтюркское распространение и восходят к общетюркским, межтюркским или общеалтайским корням. В частности, термин аусы ‘охотник’, который ловит животных, птиц, рыбу с помощью силков, ловушек, западни, сети, бредни восходит к корню ау ~ аб ~ ав, распространенному в кыпчакских, огузских и карлукских языках. Башкирский охотничий термин аңсы ‘охотник на хищных животных и дичь, т.е. зверолов’ образован от лексемы аң, имеющий фонетические варианты в алтайском, хакасском, тувинском, т.е. южносибирских тюркских языках.

Башкирский термин кошсо ‘птицелов, сокольник, сокольник’ образован от общетюркской лексемы қиҫ ‘птица’. Что же касается народного термина айыусы ‘охотник на

медведя, медвежатник’, то он восходит к лексеме айыу ‘медведь’. Лексема айыу в различных фонетических вариантах в значении медведь зафиксирована в большинстве тюркских языков и их памятников [6, 112–113].

В группу охотничьей терминологии следует добавить и термин балыксы ‘рыбак, рыболов’, восходящий к лексеме балык ‘рыба’, являющейся одним из вариантов общетюркской *balıq*, древнетюркского *balaq / balıq* [7].

Изложенные факты по терминам, связанным с охотничьей деятельностью, свидетельствуют о том, что в башкирском языке сохранилась довольно богатая терминология. При этом, наряду с общетюркскими, общекрыпчакскими лексемами, в образовании народных терминов охотников присутствуют огузские, карлукские и южносибирские тюркские корни [8]. Присутствие в башкирской охотничьей терминологии названий, восходящих к самым разным языкам тюркской группы, свидетельствует о сложности этногенеза и этноязыковых контактов башкир, которые и обусловили наличие параллелей в терминологии охотников башкир и других тюрков. Интересно отметить, что общность той или иной территориальной или этнической группы башкир с определенными тюркскими народами отмечается не только в терминологии, но и охотничьих верованиях, обычаях, обрядах. Так, например, излюбленные персонажи охотничьих рассказов южных башкир Езморон ‘злой дух в облике женщины с медным носом и медными когтями’ досл. медный нос, Езтырнак ‘злой дух с медными когтями’, досл. медный коготь, вырывающие сердце или вызывающие потерю рассудка у неосторожных охотников, зафиксированы в мифологии казахов (Жезтырнак), кыргызов (джез тырмак, джез тумшук) и тувинцев (шулбус / чулбус) [8, 297–303, 9, 117; 10, 148–199]. Интересные охотничьи обычаи нами записаны у башкир-кайтаев Белорецкого района Башкортостана, которые имеют параллели у южносибирских тюрков. Так, по рассказам башкир региона, когда мужчина собирается на охоту, женщинам запрещается присутствовать во время сбора охотничьих принадлежностей, одежды, амулетов. По обычаю, охотнику помогали отец, дед и др. представители старшего мужского населения семьи или рода. Да, их формированием охотника обычно занимался отец. Ср.: «Ул [Үтәгол] кесе йәштән алып атаһы менән бергә һунарға йөрөп, оҫта һунарсы булып үсә» [«Алтынсәс» әкиәтенән]. – Он [Утягул] с малых лет ходил с отцом на охоту, поэтому вырос искусным охотником. Об этом же зафиксирован интересный материал в эпосе «Идукей и Мурадым». Ср.:

Атаң атка мендергән,	Отец посадил тебя на коня,
Өс-башыңды бөтәйткән,	Он кормил и одевал тебя,
Кош сөйөргә өйрәткән,	Научил тебя запускать ловчую птицу.
Тубылғынан ук юнып,	Он научил тебя делать стрелу из таволги,
Караманан ян бөгөп,	Он научил тебя делать лук, согнув вяз,
Кош атырға өйрәткән.	Он научил тебя стрелять из него в дичь.

[8, 492].

О связи охоты с мужским миром свидетельствуют и такие обычаи как надевание первых амулетов на молодого охотника. Судя по материалам первый амулет на молодого охотника должен был надевать только дед по отцовской линии. При его отсутствии старший брат отца или отец самого юноши должен был надеть обережный и продуцирующий амулет на молодого охотника. Следует добавить, что традиционные охотничьи благопожелания (алкыш), направленные на удачную охоту, также должен был произносить дед или отец. Необходимо добавить, что тексты благопожеланий табуировались, поэтому их сохранилось довольно мало. Ниже нами приведен ряд алкышей. Ср.:

Уғың тейһен кейеккә,	Пусть твоя стрела попадает в дичь,
Кошоң ошон бейеккә.	Пусть птица твоя летит высоко.
Йәйәң йәпле булһын,	Пусть твой лук будет удачным (удобным),
Уғың уклы булһын!	Пусть твоя стрела будет с наконечником [1, 158].

Следует отметить, что не только сборы, но и проводы охотников у башкир имеют множество табуированных действий. Во-первых, в проводах могли участвовать только мужчины, они же проверяли, чтобы не встретились в дороге ему женщины или неудачники (юлдыкһыззар, котһоззар). Во-вторых, изучали поведение охотничьей собаки, коня, которые, по представлениям башкир, были близки духам гор, лесов, покровителям зверей, поэтому могли предупредить об опасностях, удачной или неудачной охоте. Судя по обычаям башкир, мифологизировано было и возвращение охотника. Об этом свидетельствует обычай одаривания охотником первого встречного подарком, называемым сауға. Суть обычая сводится к тому, что охотник еще до возвращения домой первому встречному должен дать часть своей добычи. Если он не даст или даст мало, он, по верованиям башкир, может потерять охотничью удачливость. Следует отметить, что аналогичные обычаи зафиксированы у казахов, кыргызов и южносибирских тюрков. В частности, раздача сауға из убитых охотником дичи у казахов считалось богоугодным делом. Интересно отметить, что и термины, обозначающие подарок из охотничьей и военной добычи, в башкирском и казахском языках совпадают. Ср. баш сауға, каз. сауға [1, 532; 11, 297]. В других тюркских языках зафиксированы их фонетические варианты. Ср.: совғат (турк, аз., уйг. диал.), савғат (кум, ккал. диал., уз. диал.), савқат (ног.), sojʉat (аз. диал.), со:ғат (турк. диал.), соғат (уйг.), savga (тур. диал., кар.-к., бал., ккал., ног., уйг.), совха (аз.), сооға (кир.), соға (уйг.) и др. со значениями подарок человека, вернувшегося из поездки, подарок благополучно вернувшемуся из поездки, подарок охотника после охоты, военная добыча, доля хана в военной добыче, угощение, пиршество, вещи, оставшиеся после умершего и др. [4, 273–274; 12, 654].

Кроме сауға, охотники дарили односельчанам и сородичам медвежьи и волчьи клыки, когти, которые применялись в качестве оберега для новорожденных. Охотники также одаривали знахарей волчьей или медвежьей губой, которые применялись в качестве магического ободка ‘үткәрмә’, с помощью которого знахари изгоняли нечистую силу и духов болезней от беременных, новорожденных, бесплодных [13, 332]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что башкиры охотников считали медиаторами между духами и людьми, избранниками духов, поэтому верили, что полученные от охотников дары, подарки способны исцелить, спасти от болезней, смерти. Таким образом, мифологизации подвергался не только охотник, но и все действия, предметы, связанные с ними.

К группе наиболее мифологизированных персонажей мастеров-профессионалов башкиры относят кузнецов ‘тимерселәр’. Народный термин тимерсе ‘кузнец’ восходит к лексеме тимер ‘железо, железный, металл, металлический’, который в разных фонетических вариантах зафиксирован не только тюркских, но и монгольских языках и их памятниках, и считается древним китайским заимствованием [7, 550–551; 2, 232; 2, 408–410].

Кроме термина тимерсе, зафиксированного в памятниках древнетюркской письменности с VIII в. в формах *temüci*, *temürci*, в тюркских языках отмечаются варианты *timir uzu* ‘кузнец’ в хак., *uzanuqci* ‘кузнец, мастер’ в тув., *darqan* ‘кузнец’ в тув., *darqan* ‘кузнец, оружейник’ в кырг. эпосе, *darqan u:s* ‘кузнец, почтенный кузнец’ в як. языках [2, 413]. Изложенные материалы показывают, что основной лексемой, связанной с кузнечным делом, кузнецом в тюркских языках является слово тимер ‘железо’.

Следует отметить, что железо ‘тимер’ у башкир является мифологизированным предметом, поэтому, кроме своей основной функции, связанной с металлургией, он применяется в качестве оберега, отгонного средства [14, 151–168]. Об этом свидетельствуют некоторые обрядовые действия, связанные с родинными, свадебными и похоронными обычаями башкир. В частности, под подушку новорожденного башкиры подкладывают металлические предметы, на головной убор, рубашку, колыбель ребенка пришивают монеты. Железные предметы сопровождали и свадебный обряд башкир. В частности, свадебную одежду невесты украшали серебряные монеты. Металлические ножики, монеты, серьги,

кольца раздавалась женихом и невестой детям. Серебряные монеты пришивались невесте пожилыми женщинами рода во время проводов из родительского дома.

Металл, металлические изделия сопровождали и похоронный обряд башкир. В частности, сразу после смерти они на грудь покойника кладут нож или ножницу, на глаза кладут большие монеты. Изложенные факты свидетельствуют о том, что вера в обережную и отгонную силу железа, в целом металла живет у башкир и сегодня.

Мифологизация металла обусловила и мифологизацию кузнеца 'тимерсе'. В связи с башкирскими восстаниями кузнечное дело и кузницы у башкир в XVIII в. были запрещены. Поэтому поиски материала по кузнецам и кузнечному делу связаны с большими трудностями. Определенные материалы сохранились лишь в произведениях башкирского фольклора. В частности, в материалах М.В. Лоссиевского зафиксирован интересный сюжет о пещере Тирмен-тау. В нем говорится о том, что из этой пещеры слышен страшный гул, который идет, по рассказам местных башкир, из жилища живущих там Дью-париев. Оказывается, эти Дью-парии «день и ночь дуют огромными мехами и куют стопудовыми молотами» подземный мир и его обитателей [Лоссиевский].

Таким образом, судя по записям М.В. Лоссиевского, Дью-парии выступают кузнецами подземного мира. Интересно отметить, что данный сюжет, записанный у башкир М.В. Лоссиевским, близок к легендам южносибирских тюрков об Эрлике, который также кует в подземном мире из железа нечистую силу. Исследователь народов Южной Сибири В.И. Вербицкий пишет о том, что «изгнанный за прегрешения в нижний мир, Эрлик устроил свое небо и землю перестроил, но так как его народ был лишен возможности умножаться, то новый мир Эрлика был пуст... Он сделал себе молот, наковальню, мех и клещи и все кузнечные снаряды, раскалил железо и стал бить молотом, и как только он ударил, тотчас выскочил курюмес-бес (пыртак-неме или кара-неме) от каждого удара. Таким образом наковал он множество духов-слуг себе» [Вербицкий, 1983, 99].

Изложенные факты свидетельствуют о том, что кузнецы у тюрков связаны с подземным миром, подземными божествами. В частности, божество Эрлик у южносибирских тюрков считается первым кузнецом. Аналогичные же представления, по-видимому, лежат в основе и башкирских эпических мастеров-кузнецов, живущих в пещерах и названных дью-париями. Судя по эпосам «Урал-батыр», «Акбузат» и др., царем подземного, подводного мира является старший брат Урал-батыра Шульген. Ему подчиняются все обитатели нижнего мира. Поэтому описанные в легенде кузнецы – дью-парии также, как и слуги Эрлика, по представлениям башкир, являются слугами царя подземно-подводного мира Шульгена.

Кроме эпосов, мифологизированность кузнецов, проявляется в обычаях и обрядах башкир. Так, например, при тяжелых болезнях знахари водили больных на кузницы или их руины, где те должны были провести в молитвах три ночи. Аналогичные способы «лечения» от бесплодия зафиксированы у северо-восточных башкир. Кстати, на руины старых кузниц водили и больных лошадей. Одежда и инструменты кузнеца, уголь и сажа из кузниц применялись у башкир в качестве обережных предметов. Изготовленные кузнецами железные предметы также мифологизировались. В частности, во время града против градобитья башкиры на улицу выбрасывали железные предметы домашней утвари: совок, кочергу, щипцы для углей и др. Изложенные факты свидетельствуют о том, что у башкир мифологизируются не только сами кузнецы, но и изготовленные ими изделия, инструменты с которыми они работали, одежда, которую они носили, кузни, в которых они работали. Этому способствовало наличие у башкир известных мастеров-кузнецов на всем Урале. Многие мастера-кузнецы вошли в качестве героев сказок, легенд и преданий не только в башкирский, но и других народов Урала.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что башкиры были знатными кузнецами, как и их предки – древние тюрки, которые платили дань кузнечными изделиями [16].

Поэтому логично, что у башкир и других тюрков кузнецы являются наиболее мифологизированными персонажами.

У народов, занимающихся полукочевым скотоводством, важную роль в обществе играли пастухи ‘көтөүсе’, т.к. от них зависило благополучие не только скота, но и всего населения. Вот как говорится об этом в башкирских пословицах. Ср.: Көтөүсеге юк мал уңмас, башлығы юк ил уңмас. – Не будет удачи табуну без пастуха, не будет стране удачи без предводителя. Көтөүсегез көтөү йөрөмэй. – Без пастуха нет стада. Мал көрлөгө көтөүсенән. – Упитанность скота от пастуха и др. В других жанрах фольклора также встречаются сюжеты, посвященные пастухам ‘көтөүсе’. В них пастухи обычно выступают отмеченными и «знающими людьми».

В частности, в сказке «Көтөүсе карт» (Старик-пастух) пастух выступает умным, мудрым, знающим народные правовые обычаи башкир. Ср.: Бик ғалим булған. – ти ул [көтөүсе]. «Һез алтынды таба белдегез, ә бүлә белмәнегез. Аманатка хыянат итергә ярамай», – тигән ти. – Очень знающим был этот пастух, говорят. – «Вы сумели найти золото, но правильно разделить его вы не смогли. Нельзя нарушать аманат, т.е. данное слово или данное на хранение предмет».

В той же сказке отмечаются прорицательские способности пастуха. Ср.: Ул [көтөүсе] тегеләрҙең бөтә эшен белеп торған икән [1, 324–325]. – Этот пастух, оказывается, обо всех их делах был осведомлен [сверху]. В башкирских эпосах, как и сказках, пастухи выступают знатными кураистами, сәсәнәми и певцами. В частности, в эпосе «Изеукей и Мурадым» о пастухе-кураисте свидетельствуют такие строки:

Урал буйы уйпатта	В низинах Урала,
Таяғына таянған,	Переживая за свою судьбу,
Картлығында ут йотоп,	Стоит старый пастух,
Өйөр-өйөр мал көтөп –	Который пасет стадами скот,
Тамағы ашка туймаған,	Но никогда сытым не бывает
Күкрәктәге аһ-зарын	Этот пастух из глубин сердца
Курайында уйнаған	Извлекает стон на своем курае.
Көтөүсе тора утлауза.	

[Изеүкәй менән Моразым].

В том же эпосе «Идеукей и Мурадым» есть интересный отрывок о пастухе по имени Ыласын, чья игра на курае заставила остановиться заслушавшихся его игрой врагов. Ср.: Кырза йөрөп мал көткән Ыласынды күрзеләр, уның моңло уйнаған курай тауышын ишетеп, аттарыны туктатып бары тыңлап торзолар... [8, 161]. – Увидели они [враги] пасущего скот в степи Ыласына, услышав звуки его певучего курая коней остановили они. И стояли они, заслушавшись его игрой на курае.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что пастухи своей игрой на курае могли заворожить даже врагов. Все это свидетельствует о мифологизации данной группы «знающих людей» – пастухов. Кроме эпосов, мифологизация пастухов ‘көтөүселәр’ нашло отражение в обычаях и обрядах башкир. В частности, в первый день выгона скота башкиры пастуху несут яйца ‘йомортка’. Ср.: Яз еткәс беренсе тапкыр көтөү кыуғанда, көтөүсегә йомортка бирәләр. Шулай итһән, көтөү курсаулы, мал үрсемле була, ти [1, 259]. – Весной, когда первый раз выгоняют скот, обычно пастуху приносят яйца. Если так сделаешь, табун будет защищенным, а скот плодовитым. Для обозначения пастуха в башкирском языке в основном употребляется слово көтөүсе, восходящее к лексеме көтөү ‘стадо, гурт, косяк, табун, отара; пасти / пастьба; сторожить; водить (в дет. играх)’, имеющей параллели в памятниках древнетюркской письменности и ряде современных тюркских языков. Ср.: ДТС күтә ‘пасти’; тат көтү ‘стадо, пастьба’; чув. кетү ‘стадо’. Указанная лексема фиксируется и в финноугорских языках урало-поволжского региона. Ср.: мар. күтү, күтө, кытө, удм. диал.

кыту, удм. куты. В указанные языки были заимствованы и термины со значением 'пастух'. Ср.: мар. күтүчө, удм. кутычи [7, 330; 5, 455].

В башкирском языке, кроме термина көтөүсе 'пастух', зафиксированы названия куйсы, һарык көтөүсеге 'овчар, пастух овец'; йылкысы, йылкы көтөүсеге 'конепас, конский пастух'; һыйыр көтөүсеге 'пастух коров' и др. Следует отметить, что указанные термины имеют параллели в ряде кыпчакских языков. Ср.: каз. койшы 'чабан, пастух овец'; кыр. койчу 'овчар, пастух овец и коз'; каз. жылқышы 'табунщик'; кыр. жылкычы 'конепас, конский пастух'; кыр. уйчу 'пастух крупного рогатого скота' и др.

Подводя итоги, можно сказать, что пастушеская терминология башкирского языка имеет в основном общекипчакское происхождение. Вместе с тем следует отметить, что отдельные термины нашли распространение в основном в тюркских и нетюркских языках урало-поволжского региона. Изложенные факты позволяют говорить о том, что пастушеская терминология, восходящая к лексеме күтә 'пасти', скорее всего сформировалась в тюркских языках Урало-Поволжья. От них указанные термины получили распространение в казахском, кыргызском, ногайском, каракалпакском языках.

К числу наиболее мифологизированных персонажей мастеров-профессионалов у башкир относятся певцы-исполнители протяжных народных песен озон көй и импровизаторы-сәсэн 'сәсэн'.

В башкирском языке для обозначения данной категории профессионалов употребляются термины йырсы 'певец', йырау 'создатель и исполнитель кубаиров (кобайыр) и протяжных песен (озон көй)', йыраусы 'исполнитель протяжных народных песен', сәсэн 'создатель и исполнитель кубаиров', толғаусы 'исполнитель кубаиров', кобайырсы 'исполнитель кубаиров', такмаксы 'создатель и исполнитель частушек', һармаксы 'исполнитель частушек', һарнаусы 'исполнитель речитативов', һамаксы 'исполнитель речитативов' и др.

Основным и универсальным термином, обозначающим данную группу специалистов в современном башкирском языке, является термин йырсы, остальные термины имеют более частный характер или диалектальную окраску. Башкирский термин йырсы 'певец, певица, песенник, песенница' восходит к лексеме йыр 'песня', имеющей параллели в большинстве тюркских языков и памятников [2, 610–611]. Что же касается семантики данного термина, то значение 'песня' является в большинстве тюркских языков основным. В ряде языков, в том числе и в башкирском, кроме основного значения 'песня', зафиксированы значения 'эпос, эпическая поэма, пение, мелодия' [2, 610].

Термин йырсы в различных фонетических вариантах зафиксирован, кроме башкирского, в кат., кар., кбал., кум., тат., ног., каз., кирг., хак., тоф., чув. языках в значениях певец и сказитель. Фонетически близкие к термину йырсы термины йырау, йыраусы 'певец-импровизатор, певец-сказитель' отмечен, кроме башкирского, в каз., ккалп., кирг. языках [2, 612–613].

Как уже говорилось выше, данная категория мастеров-профессионалов являлась наиболее мифологизированной у башкир. Они считались людьми с несчастной судьбой. Многие из певцов не имели ни дома, ни семьи. Скитаясь из кочевья в кочевье, из деревни в деревню, они своим пением добывали себе пропитание. Таких бродячих певцов башкиры жалели и называли байғош 'бедный, беденький, обделенный, бездольный, недольный'. Описание одного из таких певцов – йыраусы нашло отражение в рассказе Дм.Н. Мамина-Сибиряка «Байгуш». Судя по данному рассказу, талантливый певец, об исполнении которого протяжных башкирских песен о батырах Мамин-Сибиряк пишет «у меня пошли мурашки по спине, ничего подобного я никогда не слыхал», был слепым стариком. На нем была рваная одежда, которая еле держалась на его худом теле. Слепому певца сопровождала маленькая полуголая девочка-поводырь. Как певец, так и его поводырь были голодными. Об этом можно было судить по тому, как они бросились на еду [16].

Аналогична была доля и у других бродячих певцов, исполняющих песни за пропитание, живущих то у одного, то у другого зажиточного человека, питаюсь с его стола и получая одежду. Богатые башкиры часто приглашали к себе бродячих певцов – йырсы, йыраусы или музыкантов – курайсы ‘кураист’, думбырасы ‘домбрист’. Следует также добавить, что певцы и музыканты приглашались не только для игры и пения, по тому или иному случаю (свадьба, рождение детей, возвращение сыновей из походов и воин и др.). Часто богатые башкиры певцам и музыкантам заказывали создание новых песен, сказаний, посвященных тому или иному событию, человеку. По такому случаю певцу или музыканту могли подарить даже коня. Однако в судьбе бродячих певцов и музыкантов таких случаев было мало, поэтому они в основном владели жалкое существование.

Чуть лучше, но не намного, была судьба певцов и музыкантов, ведущих оседлый образ жизни. Они практически все были последними бедняками в деревне. Таким образом социальный статус певца находилась в страшном противоречии с его талантом. Безусловно, башкиры их жалели, любили, уважали, но считали их несчастными, ни от мира сего, бездольными, поэтому сторожились. Следует отметить, что аналогичные отношения к певцам и музыкантам существовали и у сибирских тюркских народов [15, 112–113].

Башкиры своим детям и другим близким запрещали петь, считая, что песня человеку приносит несчастье, беды. Об отдельных певцах существовали легенды о том, что их уносили нечистые силы на свои свадьбы и другие пиршества в иной мир. Мифологизированность певцов и музыкантов проявлялась и в фольклорных произведениях. В частности, в эпосе «Идеукай и Мурадым» сэсэн, певец-импровизатор Хабрау рисуется 185-летним старцем, способным видеть богатырского коня Акбузата на дне озера Шульган с волшебным мечом Урал-батыра [17, 184].

В целом, подводя итоги, можно констатировать, что певцы, музыканты в башкирской народной культуре наделялись особыми способностями, которые выделяли их среди обыкновенных людей. Их песни, импровизации покоряли слушающих, заставляли плакать, сходить с ума, пойти на подвиги и смерть. Однако, несмотря на огромный талант и способности, певцы, музыканты считались не совсем нормальными, несчастными, обиженными Аллахом, что делала их изгоем в определенной степени, как и других мастеров-профессионалов – оҫталар.

Подводя итоги рассмотрения терминологии, связанной с мифологизированными персонажами «оҫталар», можно сделать следующие выводы:

- данная группа терминов составляет значительный пласт башкирской лексики;
- в основном терминология, связанная с группой «оҫталар», имеет общетюркское происхождение;
- значительный пласт терминов группы «оҫталар» имеет общекрыпчакское происхождение;
- более поздняя терминология группы «оҫталар» имеет заимствованный характер.

Бұл мақала ҚР Білім және ғылым министрлігі тарапынан 2020-2022 жылдарға арналған №АР08856398 «XXI ғасырдағы түркі әлемінің интеграциясы: қыпшақтық фактордың лингвистикалық аспектілері» гранттық жобасымен қаржыландырылған.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкорт халық ижады. 1-се т. Йола фольклоры.– Өфө, 1995.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М., 1997.
3. Экспедиция материалдары–2003: Йылайыр районы. – Өфө, 2006.
4. Дыбо А.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный): этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана, 2013.

5. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Ике томда. – Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015.
6. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские основы на гласные. – М., 1974.
7. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.
8. Башкорт халык ижады. VIII т. Эпос: иртәктәр һәм эпик кобайырзар / Яуаплы редактор Р. Бикбаев. – Өфө: Китап, 2006. – 492 б.
9. Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. – Алматы: Нурлы алем, 2005.
10. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 164 с.
11. Большой казахско-русский словарь / Тажутов А. – Алма-Ата, 1998.
12. Киргизско-русский словарь. Кыргызча-орусча сөздүк. В двух книгах / Сост. К.К. Юдахин. Около 40000 слов. – М., 1965.
13. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М: Наука, 2010.
14. Металл и металлические предметы в башкирской мифологии // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 10. М., 2015, С. 151–168.
15. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Нака. Сиб. отделение, 1990.
16. Мамин-Сибиряк Дм.Н. Байгуш // Путеводный огонек. – М., 1906.
17. Изеүкәй менән Моразым. Вариант 1 / Башкорт халык ижады: 8-се том. Эпос: иртәктәр һәм эпик кобайырзар. – Өфө, 2006. 492 б.

REFERENCES

1. Bashqort halyk ijady. 1-se t. Iola folklori.– Ofo, 1995. [in Bashkir]
2. Sravnitelno-istoricheskaja grammatika tiurkskih iazykov. Leksika. – M., 1997. [in Russian]
3. Ekspedisia materialdary–2003: Iylaiyr raiony. – Ofo, 2006. [in Bashkir]
4. Dybo A.V. Etimologicheskii slovar tiurkskih iazykov. T. 9 (dopolnitelnyi): etimologicheskii slovar bazisnoi leksiki tiurkskih iazykov. – Astana, 2013. [in Russian]
5. Ahmatianov R.G. Tatar telenen etimologik suzlege. Ike tomda. – Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. [in Tatar]
6. Sevortian E.V. Etimologicheskii slovar tiurkskih iazykov. Obetrkskie osnovy na glasnye. – M., 1974. [in Russian]
7. Drevnetrkskii slovar. – L.: Nauka, 1969. [in Russian]
8. Bashqort halyk ijady. VIII t. Epos: irtaktar ham epik kobaiyrzar / Iauaply redaktor R. Bikbaev. – Ofo: Kitap, 2006. – 492 b. [in Bashkir]
9. Kondybai S. Kazahskaia mifologia. Kratkii slovar. – Almaty: Nurly alem, 2005. [in Russian]
10. Hisamitdinova F.G. Slovar bashkirskoi mifologii. – Ufa: IIIaL UNS RAN, 2011. – 164 s. [in Russian]
11. Bolshoi kazahsko-russkii slovar / Tajutov A. – Alma-Ata, 1998. [in Russian]
12. Kirgizsko-russkii slovar. Kyrgyzcha-oruscha sozduk. V dvuh knigah / Sost. K.K. Iudahin. Okolo 40000 slov. – M., 1965. [in Russian]
13. Hisamitdinova F.G. Mifologicheskii slovar bashkirskogo iazyka. – M: Nauka, 2010. [in Russian]
14. Metall i metallicheskie predmetry v bashkirskoi mifologii // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. T. 10. M., 2015, S. 151–168. [in Russian]
15. Tradisionnoe mirovozenie tiurkov jnoi Sibiri. Znak i ritual. – Novosibirsk: Naka. Sib. otdelenie, 1990. [in Russian]
16. Mamin-Sibiriak Dm.N. Baiguş // Putevodnyi ogonek. – M., 1906. [in Russian]
17. Izeukai menen Morazym. Variant 1 / Bashqort halyk ijady: 8-se tom. Epos: irtaktar ham epik kobaiyrzar. – Ofo, 2006. 492 b. [in Bashkir]